

21/22

ПРЕПРИНТЫ

А. М. Никулин
Т. Ю. Гусаков, И. В. Троцук

**НАПРАВЛЕНИЯ
АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ
РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ

**НАПРАВЛЕНИЯ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ
РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ**

Никулин Александр Михайлович, к.э.н., директор научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ, 0000-0001-7623-7985, nikulina@ranepa.ru
Гусаков Тимур Юрьевич, младший научный сотрудник научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ, 0000-0002-8557-9108, gusakov@ranepa.ru
Троцук Ирина Владимировна, д.с.н., ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ, 0000-0002-2279-3588, trocuk@ranepa.ru

Москва 2022

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия усиливаются процессы периферизации сельских пространств России, связанные с расширением заброшенных земель сельскохозяйственного назначения, исчезновением сельских поселений, в целом с продолжением долговременной социально-демографической депрессии. С точки зрения пространственной и продовольственной безопасности России разработка направлений ре-освоения ее периферийных сельских территорий является важнейшим условием жизнеспособности и устойчивого развития страны. **Цель** исследования – разработка типологии моделей сельского развития и сельской дифференциации периферийных территорий России, основанных на использовании региональных ресурсов и развитии потенциала локальных территорий – для встраивания их в общероссийские программы сельского развития. **Предмет** – конкретные российские кейсы развития сельских периферийных территорий и общие тенденции возрождения депрессивной сельской периферии. В качестве **методов** исследования используются элементы количественного (статистические данные, вторичный анализ) и качественного (прежде всего, экспертные полуструктурированные интервью) подходов в рамках кейс-стади. По **результатам** исследования охарактеризованы новейшие тенденции периферизации даже староосвоенных российских регионов, т.е. меры централизации пространственного развития нередко не только не способствуют таковому, но усугубляют проявления и глубину периферизации. К основным **выводам** можно отнести составляющие сохранения жизнеспособности сельской периферии (способность противостоять системным шокам, справляться с неопределенностью и радикально менять траекторию развития) и характеристики устойчивой периферийной сельской системы. **Научная новизна** исследования состоит в построении типологии сельской периферии и системном рассмотрении ее проблем не только в контексте стратегий аграрного ре-освоения, но и проектов эколого-рекреационного и культурно-исторического типа. В качестве **рекомендаций** выделены направления развития сельской периферии: чем разнообразнее экономические занятия сельских жителей, тем более устойчиво сельское поселение к внешним шокам; следует культивировать рыночно ориентированные институты, что означает переход от неформальных экономических взаимодействий к формализованным; необходимо наращивать сильный социальный капитал, чтобы легче мобилизовать внутренние и внешние ресурсы.

Ключевые слова: периферия, центр, аграрная политика, депрессивные территории, инновации, экология, ре-освоение, сельское развитие, сельская дифференциация, модели.

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA)

PREPRINT

DIRECTIONS OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE REGIONS
OF THE RUSSIAN RURAL PERIPHERY

Nikulin A.M., director, Center for Agrarian Studies, Cand. Sci. (Econ.),

ORCID 0000-0001-7623-7985, nikulin@ranepa.ru

Gusakov T.Yu., junior researcher, Center for Agrarian Studies,

ORCID 0000-0002-8557-9108, gusakov@ranepa.ru

Trotsuk I.V., senior researcher, Center for Agrarian Studies, Doct. Sci. (Sociol.),

ORCID 0000-0002-2279-3588, trocuk@ranepa.ru

Moscow 2022

Abstract

The **relevance** of the study is determined by the fact that in recent decades, peripheralization of rural spaces in Russia has intensified in the form of the expansion of abandoned agricultural lands, disappearance of rural settlements, and a general long-term social-demographic depression. Concerning the spatial and food security of Russia, the re-development of peripheral rural territories is the most important condition for the viability and sustainable development of the country. The study **aims** at presenting a typology of models of rural development and rural differentiation in the peripheral territories of Russia as based on regional resources and the potential of local territories – in order to integrate them into the all-Russian programs of rural development. The **subject** is specific Russian cases of the development of rural peripheral territories and general trends in the revival of the depressed rural periphery. The **methods** combine the elements of the quantitative (statistical data, secondary analysis) and qualitative (expert semi-formalized interviews) approaches within the case study. Based on the **results** of the study, the paper describes the latest trends in the peripheralization of even the old-developed Russian regions, i.e., measures for the centralization of spatial development often exacerbate the depth of peripheralization. The paper **concludes** with the main indicators of the rural periphery viability (ability to cope with systemic shocks and uncertainty, ability to radically change the trajectory of one's development) and the features of the sustainable peripheral rural system. The **novelty** of the study is determined by an attempt to develop a typology of rural periphery and by a systematic analysis of its problems within both the agrarian re-development strategies and projects of ecological-recreational and cultural-historical types. The paper provides some **recommendations** on the development of rural periphery: more diverse economic activities of rural residents; more market-oriented institutions to ensure a transition from informal economic interactions to the formalized ones; stronger social capital in order to more easily mobilize internal and external resources.

Keywords: periphery, center, agrarian policy, depressed areas, innovations, ecology, re-development, rural development, rural differentiation, models

Оглавление

Введение	6
1. Направления развития сельских периферийных территорий	7
2. Вариант типологии моделей сельского развития и сельской дифференциации периферийных территорий России	18
Заключение.....	32
Благодарности.....	34
Список источников.....	35

Введение

Деревни и города – связанные друг с другом образования. Их связи могут развиваться по сценарию, который будет нежелательным для обеих сторон, поскольку приведет к обезлюдению сельских территорий и перенаселению городов с непременным возникновением на их территориях трущоб. Данные процессы и явления можно наблюдать в разных частях света и в разных по уровню экономического развития странах. Но можно и избежать этого негативного сценария, воспользовавшись возможностями, предлагаемыми экономикой знаний. Безусловно, не все типы сельской местности годятся для такого типа анализа и развития. Во-первых, исключаются те сельские территории, которые исторически превращаются в города (в развитых странах эта стадия урбанизации давно минула, но в ряде развивающихся регионов такой процесс еще можно заметить). Во-вторых, это пригородные сельские территории, которые тесно связаны с мегаполисами, и их развитие полностью зависит от вектора развития городского центра.

Остаются два других типа сельских поселений – это «промежуточные» сельские территории, которые граничат с городскими территориями, имеют возможности взаимодействия с ними и даже интеграции. Такие территории можно найти в развитых странах. Второй тип поселений – это отдаленные, периферийные сельские территории, на которые напрямую не влияет какой-либо мегаполис. Основой жизни этих территорий является сельское хозяйство, лесное хозяйство или любая другая деятельность, построенная на природных ресурсах. Эти территории страдают от того, что данные сферы деятельности становятся более капиталоемкими и менее трудоемкими, что ведет к сокращению рабочих мест и всем остальным, вытекающим из этого последствиям.

1. Направления развития сельских периферийных территорий

В допромышленную эпоху разделение между городом и селом происходило по причине экономической специализации. Сельскохозяйственное производство концентрировалось на сельских территориях, а несельскохозяйственные виды деятельности – в городах. Соответственно, происходил естественный обмен продуктами, который был относительно невысоким из-за низкой производительности и транспортных ограничений. К тому же село доминировало над городом: например, в 1800 году 97% населения планеты все еще проживало в сельской местности [см., напр.: 1]. Промышленная революция и сельское перенаселение сместили относительный баланс между городом и селом – в развитых странах запустился процесс ускоренной урбанизации. Помимо количественного сдвига в пропорции между городским и сельским населением, происходило подчинение сельских территорий городам. Сельские территории стали источником рабочей силы, а сами попадали в экономическую зависимость от городских экономик. Во второй половине двадцатого века развитые страны уже осуществили урбанизацию своих обществ, а развивающиеся страны только начинали этот процесс.

Начиная с 1970-х годов, в развитых странах наметилось несколько волн так называемой «контр-урбанизации», или «сельского ренессанса», – население сельских территорий увеличивалось более быстрыми темпами, нежели городское. Данный процесс затрагивал, прежде всего, пригородные сельские районы, позволяющие его жителям осуществлять регулярные поездки в город (например, на работу). Данные сельские территории заселялись горожанами, что меняло социальный облик деревни – фермеры и рабочий класс замещались средним классом (так называемая сельская «джентрификация»). Эти процессы отмечались в США, Великобритании, Австралии и т.п. В противоположность прилегающим к городам сельским территориям, удаленные сельскохозяйственные сельские районы испытывали неуклонную депопуляцию, экономическую и социальную деградацию, сворачивание местных рынков и закрытие малых предприятий. Для удаленных сельских территорий этот процесс носит практически универсальный характер – наблюдается что в развитых, что в развивающихся странах, но в последних носит особенно острый характер.

Современная стадия экономики знаний знаменует новый тип взаимоотношений между городом и селом. Так как экономика знаний базируется на том, что основным фактором создания богатства становятся знания (в самых различных формах), а природные ресурсы, которыми обладает сельская местность, постепенно теряют свою ценность (тезис, безусловно, спорный, но обществоведческий нарратив до недавнего времени был таковым), а сами знания концентрируются в крупных городах, то теперь для крупного города становится более важным сотрудничество с другими крупными городами как источниками знаний, нежели с окружающими его сельскими территориями. В итоге все обмены на глобальном уровне все больше превращаются в межгородские, тогда как сельская глубинка/периферия остается не у дел, вдали от потоков межгородского сотрудничества.

Экономика знаний распространена по миру неравномерно, но дает возможность для развития «промежуточных» сельских территорий. В развитых странах они имеют возможность адаптироваться к изменяющимся условиям благодаря «умной» специализации. Удаленные же сельские территории испытывают негативное влияние от перехода к экономике знаний, причем как в развитых, так и в развивающихся странах. Однако если развитые страны проходили этапы аграрной трансформации довольно долго, то в развивающихся странах этот процесс оказывается сжатым, например, экономика знаний формируется, когда еще не до конца завершился процесс индустриализации и урбанизации. Различные программы помощи сельской местности (земельные преобразования, поселенческие реформы, инфраструктурные проекты) далеко не всегда спасают сельские поселения. Если сельское поселение не имеет внутренних ресурсов, чтобы адаптироваться к изменениям внешней среды, то такая поддержка часто оказывается напрасной и не мешает окончательной периферизации сельской территории.

Одним из ключевых элементов выживания и социально-экономической устойчивости сельских поселений выступает социальный капитал, т.е. нематериальная составляющая сельских сообществ. Материальные условия, безусловно, тоже важны, но только их одних недостаточно. Социальный капитал важен в двух своих составляющих: во-первых, это внутреннее сплочение жителей, социальная солидарность; во-вторых, это сетевые связи с внешним миром – социальный капитал не только представляет собой сетевую структуру внутри сообщества и контакты с окружающей сре-

дой, но и наполняется ценностно-нормативным содержанием, доверием, жизнь сельского сообщества. Неспособность к внутренней адаптации к изменяющимся условиям ставит вопрос о сохранении сельского поселения как такового. Процессы урбанизации и негативные последствия становления экономики знаний могут загнать сельское поселение в порочный замкнутый круг, способный привести к его исчезновению. С другой стороны, есть примеры сельских сообществ, которые приспособились к внешним изменениям. Они могут найти для себя привлекательную для окружающего мира функцию (набор функций) или могут изменить локальное производство таким образом, что оно окажется востребованным в городах. И здесь определенная доля коллективизма является более эффективной стратегией, нежели индивидуализм.

Сельские периферии часто связывают с традиционным крестьянством, и, как и периферии, крестьянство нередко ассоциируют с отсталостью (экономической, технологической и т.п.), поэтому данные два феномена концептуально хорошо сочетаются. Действительно, в странах третьего мира мы можем видеть достаточно примеров, где в отсталых сельских перифериях господствует крестьянский способ сельскохозяйственного производства. Соответственно, модернизация сельского хозяйства часто связывается с феноменом раскрестьянивания. Примером обычно служат развитые страны, например, Европа, где традиционное крестьянское хозяйство уступило место фермерским хозяйствам, интегрированным в капиталистическую аграрную систему. Однако даже в осмыслении модернизации сельского хозяйства в Европе существуют альтернативные подходы [см., напр.: 2]. В традиционной картине модернизации сельского хозяйства неизбежно расставание как с крестьянскими практиками, так и с крестьянской идентичностью. На место крестьянских практик должно прийти сельское хозяйство как предпринимательство, а место крестьян должны занять сельскохозяйственные предприниматели – это совершенно другие практики (способы ведения) сельского хозяйства и иная идентичность сельхозпроизводителей. Невозможно не заметить радикальные изменения в послевоенном сельском хозяйстве Европы, которые принято считать модернизацией.

Проект модернизации европейского сельского хозяйства состоял из множества аспектов. На европейскую модернизацию серьезно повлияло наследие Второй мировой войны. Например, производительные мощности по производству боеприпасов были переориентированы на производство удобрений, танковые заводы стали произ-

водить тракторы, системы регулирования военного времени в значительной мере сохранились, а громадный опыт в логистике для масштабных военных кампаний пригодился в ходе мирной модернизации. На модернизацию сельского хозяйства повлияли изменения в сельскохозяйственных науках, где с 1930-х годов наблюдался сдвиг от традиционной агрономии к новому технократическому подходу. Наконец, сельскохозяйственная модернизация шла одновременно со становлением новых форм управления, которые позднее переросли в транснациональные системы, ставшие базисом для общей сельскохозяйственной политики Евросоюза и Всемирной торговой организации. В свою очередь, модернизационный проект европейского сельского хозяйства стал своего рода лабораторией и вдохновил зеленые революции и программы сельского развития на глобальном Юге.

Но в основе сельскохозяйственной модернизации лежал, прежде всего, интеллектуальный проект. Он помогал четко обозначить необходимый набор изменений, упорядочить и осмыслить порой хаотические послевоенные трансформации. Одновременно он позволял выработать своего рода инструкцию о «правильных» изменениях, легитимировать их. В основе интеллектуального проекта сельскохозяйственной модернизации в Европе лежало разграничение между прошлым и будущим, между крестьянами и сельскохозяйственными предпринимателями. Это был проект раскрестьянивания, которое понималось как естественный процесс, порождаемый прогрессом. Таким образом, раскрестьянивание происходило не только в мире материальном, но и в сознании (интеллектуальное оправдание раскрестьянивания).

Однако, несмотря на такой однолинейный подход и направление движения, жизнь оказалась гораздо сложнее. И с самого начала проект по раскрестьяниванию посеял семена реокрестьянивания, которые дали заметные всходы в Европе к середине 1990-х годов: на уровне ферм стали появляться практики, характерные для традиционного крестьянства. Такое реокрестьянивание оказало сильное влияние на сельское развитие Европы, структурирование сельскохозяйственных практик и сельско-городские отношения. Итак, столкнулись две противоположности – модернизация и реокрестьянивание; рассмотрим это столкновение на примере Нидерландов [2].

Европейские страны выходили из Второй мировой войны с голодающим населением и разрушенной сельскохозяйственной инфраструктурой. Нидерланды не были исключением – голод зимы 1944-1945 годов запомнился на много поколений. В обще-

стве были сформулированы две разделяемые всеми задачи: быстро наладить сельскохозяйственное производство и никогда снова не допустить ситуацию голода. Позднее опыт Нидерландов был распространен на всю Европу через министра сельского хозяйства, который впоследствии стал первым еврокомиссаром по сельскому хозяйству (так называемый «план Мансхольта»). Первоначально восстановление сельского хозяйства шло через укрепление крестьянских хозяйств. До 1956 года наблюдался рост числа сельскохозяйственных рабочих и поддерживался принцип «смешанных», т.е. неспециализированных, ферм. Иными словами, мы видим типичную реакцию крестьянского хозяйства на кризис – интенсификацию труда. Такая стратегия помогла стране восстановить сельское хозяйство до состояния, когда оно стало способным накормить население.

Ситуация резко поменялась уже с середины 1950-х годов, когда интенсификация труда стала считаться чем-то отсталым, а механизация стала символом передового сельского хозяйства. Роль крестьянских хозяйств в восстановлении послевоенного сельского хозяйства была стерта из коллективной памяти. Вместо крестьян в массовое сознание внедрился образ сельского предпринимателя, который способен накормить мир. Хотя на тот момент ситуация была обратной: например, одним из обоснований модернизационного плана Мансхольта было утверждение, что крестьянские хозяйства являются слишком интенсивными (производят слишком много на единицу земли и на одно животное), что создает ненужные сельскохозяйственные излишки. Производство в крупных механизированных хозяйствах предпринимательского типа виделось тогда более экстенсивным, что помогало избегать этих излишков (разумеется, в дальнейшем этот аргумент перестал работать – вследствие технологической интенсификации).

В сердцевине модернизационного проекта лежала аксиома об отсталости сельского хозяйства как такового, особенно в лице крестьянства. Согласно этой логике, фермеры, особенно мелкие, были бедными. Следовательно, нужно сократить число ферм, а избыточные работники переместятся в города. Оставшиеся фермы укрупнятся, будут использовать новые технологии и ради большей эффективности перейдут на монокультуры (смешанные фермы стали признаком отсталости). Труд должен уйти из сельского хозяйства, а капитал – прийти, что увеличит доходы занятых в сельском хозяйстве и устранил тяжелый физический труд.

Модернизационный проект также требовал социокультурных изменений, например, создания новых идентичностей. Как следствие, была сконструирована дихотомия, в рамках которой упрямый крестьянин сопротивлялся инновациям, а противопоставляемый ему предприниматель с радостью их принимал, тем самым избавляя село от оков отсталости. Модернизации сельского хозяйства соответствовал и изменившийся политико-экономический контекст послевоенной Европы, которая потеряла свои колонии – нужно было искать новые способы аккумуляции капитала внутри Европы. В Нидерландах сельское хозяйство считалось хорошим местом приложения капитала при условии его модернизации – она сулила высокий спрос на новые технологии и услуги как на входе, так и на выходе сельскохозяйственного производства. Считалось, что дешевая еда будет способствовать снижению требований к зарплате у городских работников. А чтобы дешевая еда не снижала сельские доходы, нужно, чтобы она производилась на крупных фермах, которые будут зарабатывать достаточно на масштабах производства. Рост сельскохозяйственного экспорта выравнивает внешнеторговый баланс и позволит закупать машины и сырье. Опыт мировых войн позволил государству организовать модернизацию сельского хозяйства, почти как военную операцию. Вездесущая «красная угроза» заставляла западноевропейские государства внимательно следить за ростом благосостояния сельских жителей, чтобы устранить возможную коалицию крестьян с городским рабочим классом.

Параллельный процесс раскрестьянивания происходил в Восточной Европе, особенно в Советском Союзе. Там тоже считали крестьян отсталыми, но по иным соображениям. Крестьян хотели превратить не в предпринимателей, а в работников. Также по обе стороны «железного занавеса» от крестьян видели угрозу, но по разным причинам: в Советском Союзе крестьяне считались чем-то вроде «полукапиталистов» (двойственная природа крестьянства), на Западе, наоборот, крестьян считали чуждыми капиталистической экономике и, как следствие, возможными союзниками социалистов и коммунистов.

Процесс модернизации сельского хозяйства в Европе получил осмысление и легитимацию в научных статьях и политических программах. Считалось, что крестьяне исчезнут двумя путями: часть переедет в города, часть превратится в предпринимателей. Выделялась еще группа «неопределившихся», но которым рано или поздно придется присоединиться либо к первой, либо ко второй группе. Сами фермы или

фермеры классифицировались по степени их экономической жизнеспособности и готовности к инновациям. Фермеры размещались на шкале прогресса от отсталых до инноваторов.

Уменьшение количества ферм было лишь одним из измерений раскрестьянивания. Вторым измерением была сама организация производства. Считалось, что она должна становиться менее крестьянской и более предпринимательской. Сельскохозяйственное производство должно включаться в социальное разделение труда – это важнейший момент модернизации. Следовательно, фермер должен опираться на достижения промышленности, а не на ресурсы, которые производятся и воспроизводятся на самой ферме, что характерно для крестьянского способа ведения хозяйства. Например, для него характерны корма собственной заготовки против покупных, навоз – вместо химических удобрений, лошади – вместо тракторов, собственные семена – вместо покупных и т.п. Разумеется, современная ферма должна специализироваться только на одном типе продукции. Во многом автономное крестьянское хозяйство должно уступить место ферме, плотно включенной во внешнюю среду (и зависимой от нее). На это осмысление накладывалось и линейное понимание истории – как неотвратимого прогресса от традиционного к современному, от малого к большому, от крестьян к предпринимателям. Это движение казалось настолько самоочевидным и желаемым, что никаких обоснований никто не требовал.

Изменения в европейском сельском хозяйстве действительно произошли. Крестьяне привязаны к земле, тогда как предприниматели – нет: они могут покупать и продавать землю и меньше вкладывают в нее своего личного труда. Для крестьянина первичны трудовые инвестиции, для предпринимателя – финансовые. Крестьяне боятся кредита, а предприниматели жаждут его и жизненно нуждаются. Крестьянин делает расчеты, основываясь на локальном знании, а предприниматель следует логике рынка. Крестьянин связан узами моральной экономики, а предприниматель свободен от них.

Однако, несмотря на очевидный тренд, указанные перемены варьируют вокруг среднего, т.е. произошли не все разом и в разной степени. Во-вторых, не все они привели к однозначно позитивным результатам. В-третьих, модернизация создала свои новые проблемы. Понимание ограничений сельскохозяйственной модернизации пришло к середине 1990-х годов. Разрыв между человеком и землей начал приводить к

истощению почв во многих частях мира (из-за недостатка стандартизованных подходов и игнорирования локальных знаний, из-за хищнического отношения к земле). Новые технологии навязывают фермеру свою логику, а не фермер выбирает технологии. Решая определенные проблемы, технологии создают новые, для решения которых требуется следующее поколение технологий. Также технологии показывают свою эффективность на определенном масштабе, т.е. переход на такие технологии требует расширения фермы и дополнительных затрат. Технологии тянут за собой закредитованность. Например, сельское хозяйство Нидерландов накопило долгов более чем на 30 млрд. евро, что в 10-15 раз превышает совокупный аграрный доход за типичный год. Современное фермерство зачастую превращается в форму азартной игры, неудачный исход которой может больно ударить по всем людям. С другой стороны, аграрное предпринимательство перестало быть свободным и рациональным, поскольку фермеры охвачены технологическо-административными ограничениями и предписаниями от ученых, государств, банкиров, агропромышленного комплекса.

Решением проблем модернизированного сельского хозяйства могут стать новые крестьяне XXI века. Их появление означает процесс рекрестьянивания. Новые крестьяне полагаются на местные ресурсы, укоренены в локальной природе, ведут многофункциональное хозяйство в противовес монокультурам, включены в новые локальные рынки. Возьмем лишь один аспект – локальную природу. Усиленное применение удобрений создало не только экологические проблемы, но и проблемы на фермах. Плодородие почвы стало падать, и эффективность использования азота (для компенсации падения естественного плодородия) также стало снижаться. Например, если в 1950-х годы в почве усваивалось примерно 65% вносимого азота, то в 1980-х годы – лишь 17%. Выход стали искать в повышении эффективности использования внутренних ресурсов фермы, т.е. вместо экзогенного роста (например, закупки больших объемов удобрений) сконцентрировались на эндогенном росте (усовершенствование цикла растение-животное-навоз-почва приводит к более эффективному усвоению почвой азота). Также осторожно и экономно новые крестьяне относятся к технологиям – они не стремятся залезть в кредит для покупки новейших технологий, а, напротив, стараются максимально урезать денежные расходы. Для них характерна покупка бывшей в употреблении техники, самостоятельная починка техники и максимальное продление ее срока жизни. Они могут своими силами построить себе сарай или конюшню, привлекая при этом помощь родни, друзей и соседей (социального капитала).

Это возвращение к традиции, вытеснение капитала трудом, низкокзатратная модель, противостоящая высокотехнологичной предпринимательской модели. Новые крестьяне могут сочетать сельскохозяйственный труд с несельскохозяйственной занятостью – доходы с других форм занятости являются альтернативой банковскому кредиту. При таком типе ведения хозяйства возрастает роль сельских сообществ и кооперации. Повышая зависимость от социального окружения, крестьяне снижают зависимость от банков, государства, промышленных гигантов и т.п., вновь становясь субъектом принятия решений на своей ферме. При этом их доходы оказываются не меньше, а зачастую и больше, чем у «высокотехнологичных» фермеров, за счет более низких издержек и закредитованности.

Сопоставление социально-экономических процессов, характеризующих сельскую и городскую местность в течение последних полутора веков, свидетельствует о стремительном сокращении сельского населения во многих странах, росте городского населения и в целом повышении роли городов. При этом в сельской местности наблюдается процесс сокращения численности и удельного веса крестьян в составе сельского населения, снижение доли сельскохозяйственного производства крестьянских хозяйств в общем объеме аграрного производства, а также радикальное изменение базовых институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс: семейного хозяйства, сельских сообществ, традиционной культуры и образа жизни, который определяется большинством ученых как раскрестьянивание [см., напр.: 3]. Объективно различия в социально-экономическом развитии города и села связаны с различной концентрацией и эффективностью использования факторов производства в промышленности и сельском хозяйстве, более медленным оборотом капитала в сельском хозяйстве, процессами урбанизации и аграрной политикой ряда стран. В науке экономические и социальные отношения между городом и селом принято рассматривать во взаимодействии [см., напр.: 4].

Раскрестьянивание имеет объективные экономические основы, которые связаны с ростом производительности сельского хозяйства, сокращением числа рабочих мест в нем и в сельской местности в целом, изменением модели занятости и структурной трудоизбыточностью (дефицит работников одних профессий и избыточное предложение в других).

Процесс раскрестьянивания происходит во многих странах. Так, в России можно наблюдать стремительное сокращение доли сельского населения и занятых в

сельском хозяйстве. В середине XIX века население России составляло около 70 миллионов человек, из них сельское население составляло порядка 90%. К концу века общая численность населения страны возросла до 130 миллионов человек, из них 87% были жителями села. К 1912 году доля сельского населения Российской империи уменьшилась всего на 1%: из 171 миллиона 147 миллионов составляли жители уездов, т.е. негорожане. В исторической ретроспективе раскрестьянивание в период сталинской индустриализации конца 1920-х – 1930-х годов сопровождалось так называемым раскулачиванием – лишением более зажиточных слоев села имущества и принудительным выселением в Сибирь, Казахстан и другие малоосвоенные регионы. При этом оставшееся население удерживалось в сельской местности административными мерами, которые были отменены лишь в 1960-е годы.

По предварительным итогам переписи населения 2020 года сельское население составляет 35,5 миллионов человек, или 25%. При этом занятость в сельском хозяйстве постоянно сокращалась: только за последние двадцать лет она уменьшилась в два раза – с 49,3% от общего числа занятых в сельской местности в 2000 году до 19,6% – в 2020 году)¹. В зарубежной литературе можно встретить термин «депейзантизация», который является, по сути синонимом раскрестьянивания, однако наполнен другим историческим и культурным контекстом. Последствиями сокращения сельского населения, раскрестьянивания, является сжатие освоенного пространства в сельской местности и образование значительных участков внутренней периферии, на что неоднократно указывали как географы, так и экономисты [см., напр.: 5; 6]. Причем эти процессы происходят во многих странах мира.

В англоязычной литературе немало публикаций, критикующих общепринятые подходы к трактовке аграрных изменений, так как они отличаются значительным региональным разнообразием [см., напр.: 7]. Так, например, сравнительно недавнее исследование подробно описывает крестьянскую природу сельского хозяйства Китая и то, как эта природа «воспроизводится и обновляется» в контексте новых доминирующих предпринимательских и капиталистических (корпоративных) траекторий ведения сельского хозяйства. Анализ выявил «конкурирующие парадигмы, которые свидетельствуют о параллельно существующих противоположных траекториях развития,

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; Социальное положение сельской России. Занятость населения // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr-250215.pdf>.

способах ведения сельского хозяйства, отношениях между городом и деревней и институциональных механизмах» [8. С. 254]. Этот пример подтверждает необходимость взвешенного подхода к пониманию трансформации сельских районов – который учитывает различные контексты и не сводит процессы сельскохозяйственного развития к простым дихотомическим отношениям. Попытки рассматривать развитие сельского хозяйства только как политико-экономическое стремление к «модернизации» сельского хозяйства в Китае [9] и развивающихся странах, а, с другой стороны, примеры распространения в Европе [10] и других странах Запада низкзатратного сельского хозяйства и многофункционального фермерства, а также набирающее популярность понятие «сельского хозяйства как неотъемлемой части жизни общества» нуждается в пересмотре и осмыслении.

2. Вариант типологии моделей сельского развития и сельской дифференциации периферийных территорий России

Типологии территориального развития основываются на разных критериях. Так, П. Кругман [11] выделяет две группы факторов: факторы «первой природы» – это природно-ресурсный потенциал и выгодность географического положения; факторы «второй природы» – это «искусственные» ресурсы и условия (агломерационный эффект, особенности институциональной среды, развитость инфраструктуры и человеческого капитала [см., напр.: 12]). Вследствие различного влияния этих факторов на регионы мира между отдельными территориями наблюдаются неравенство и пространственные различия. Россия в этом смысле – один из лидеров различий ввиду большой территории: регионы, богатые углеводородами, аккумулирующие научный и культурный потенциал, находящиеся в благоприятных либо неблагоприятных природно-климатических условиях для ведения сельского хозяйства, несомненно, находятся на разных уровнях социально-экономического развития. Кроме того, внутри регионов тоже все неоднородно, что зависит скорее не от величины площади, а от сосредоточения/рассредоточения экономических и социальных ресурсов по территории. Внутрирегиональные и внутристрановые пространственные различия – одна из основных проблем, выделяемых российским правительством, их смягчение – один из основных векторов развития страны.

Сельские территории России находятся на перепутье: сложно однозначно определить, что с ними происходит, в силу проявляющихся пространственных различий. Какие-то сельские поселения обезлюдели и бесследно исчезают, как в Костромской области, какие-то наоборот «перенаселены», как на Кубани, какие-то возвращаются к традиционным видам деятельности, как в Тыве и Калмыкии, а какие-то трансформируются в дачные с преимущественно рекреационными функциями, как в Тверской области. Пестрота траекторий сельского развития российских регионов зависит от множества факторов. Пожалуй, один из основных – их экономико-географическое положение, т.е. положение целых территорий или отдельных населенных пунктов относительно различных объектов, созданных человеком и природой. Удаленность или близость к транспортным путям, экономическим и политическим центрам, наличие поблизости крупных мест приложения труда, развитая социальная инфраструктура,

«проницаемость» границ выступают маркерами не только для статистиков, относящих территорию к депрессивной или развитой, но и для обычных жителей. Отток населения, традиционный фактор определения депрессивности, уже не является единственным индикатором, свидетельствующим о деградации деревни.

Начавшаяся в послевоенный период депопуляция сельских территорий сегодня охватила и отдельные категории российских городов (например, малые). Многие сельские районы обезлюдели, но свидетельствует ли это о депрессивности опустевших территорий? Не всегда и не во всех случаях: например, «депрессивный» Ясногорский район Тульской области (зона бывшего «101-ого километра» московской периферии), в котором проводилось комплексное экономико-географическое исследование летом 2017 года [13], активно теряет местное население, советский народно-хозяйственный комплекс практически прекратил свое существование. Но местность не мертва – вместо колхозов появились рекреационные комплексы, экопоселения и дачные поселки, которые становятся мощным драйвером социально-экономического развития. Поэтому этот далекий относительно Москвы и Тулы район, по сути, не является депрессивным. Иными словами, региональный масштаб определения траектории сельского развития в некоторых случаях слишком упрощает ситуацию. В случае Тульской области это объясняется наличием более «сильного» центра рядом – Москвы: Ясногорский район находится под действием агломерационного эффекта столицы.

Существуют регионы с более заметными внутренними диспропорциями. В таких регионах, как Крым или Дагестан, наблюдаются существенные внутрорегиональные различия. Они, в свою очередь, сформировались из-за природно-климатической, социально-экономической, исторической специфики развития отдельных районов. Внутри региона важным фактором, влияющим на сельские территории, является их близость к центру (экономическому, политическому, промышленному), который обычно совпадает с административно-территориальным центром региона², т.е. центром развития окружающих территорий.

Между центром и прилегающими районами существует постоянная взаимосвязь и обмен [14]. Идеальная модель взаимодействия центра и окружающих территорий была описана Дж. Фридманом в работе «Политика регионального развития:

² Кроме Вологодской и Кемеровской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Республики Ингушетия.

опыт Венесуэлы» [15]. Он предложил модель «центр – периферия» в рамках теории регионального развития: небольшой по масштабу центр, аккумулирующий наиболее инновационные технологические и социальные достижения, противопоставляется превосходящей его в разы периферии – совокупности отдаленных и слаборазвитых территорий с замедленной модернизацией, служащей источником ресурсов и потребителем инноваций. Неоднородность экономического роста региональной системы и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между центром и периферийными территориями. Центры и периферийные районы существуют в рамках единой центр-периферийной системы, устойчивость которой обеспечивается способностью центра аккумулировать экономический, технологический и инфраструктурный потенциал и тем самым притягивать к себе окраинные территории, используя их ресурсы (трудовые, природные и пр.) (рисунок 1).

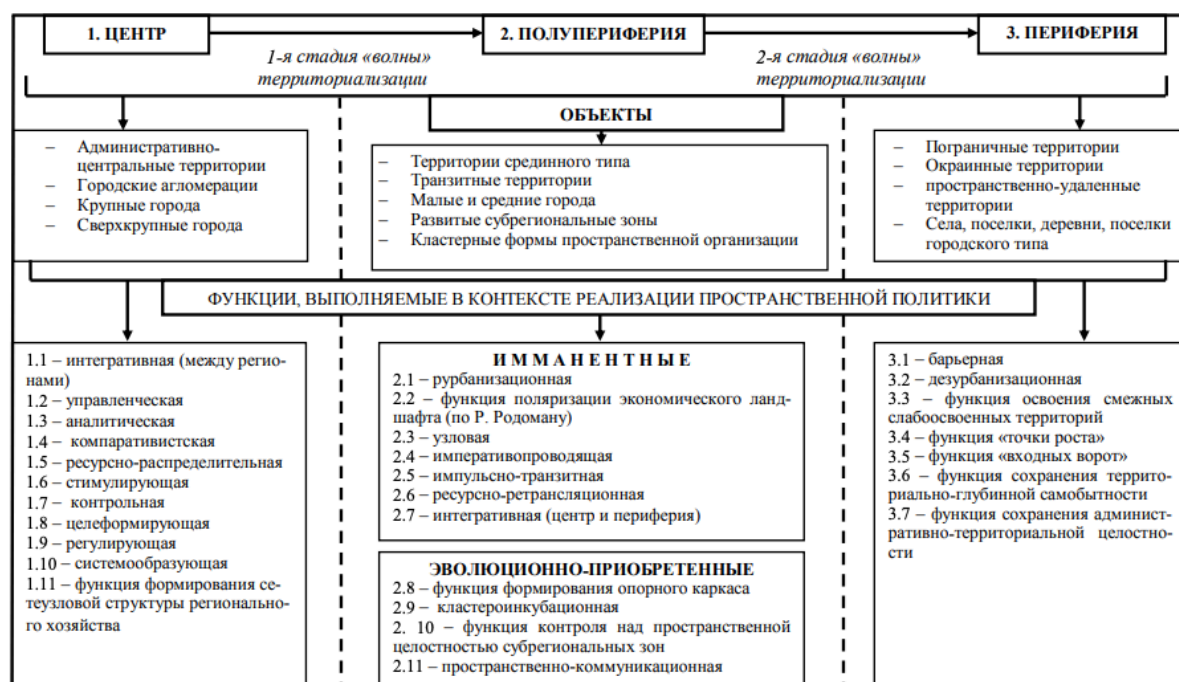

Рис. 1. Центр, полупериферия и периферия в контексте пространственной политики [16. С. 60]

Ю.В. Преображенский выделил одиннадцать основных подходов к определению и изучению центральных и периферийных регионов (таблица 1).

Таблица 1 – Подходы к выявлению «центральных» и «периферийных» регионов [17. С. 217]

Название	Показатели	Особенности выделения зон в центр-периферийной системе
Концентрационный	Удельные количественные показатели (плотность населения, душевые доходы, потребление энергии, плотность инфраструктурных объектов и др.)	Выделение зон задается определенными (как правило, предлагаемыми авторами) пороговыми значениями
Диверситициальный	Показатели качества жизни (набор услуг, насыщенность культурными событиями, многообразие видов деятельности)	Оценивается развитие человеческого капитала и факторы, обуславливающие его миграцию
Хозяйственно-секторальный	Способы создания добавленной стоимости, структура занятости, производительность труда	Первичный сектор экономики (добыча минерального сырья, лесное, рыбное хозяйство) ассоциируется с периферией, вторичный (обрабатывающая промышленность) – с полупериферией, в центре сосредоточена сфера услуг и управление (третичный и четвертичный сектора)
Мультипликативно-отраслевой	Степень мультипликативного эффекта в различных отраслях, отдача от инвестиций	Основываются на концепции полюсов роста Ф. Перру [169. С. 212], выделившего отрасли: деградирующие; динамичные, но «замкнутые»; динамичные и оказывающие мультипликативный эффект на смежные отрасли
Цивилизационно-границный	Дихотомия «цивилизация – варвары»	Кочевники (представители периферии) рассматриваются как агенты переноса культурных новаций между оседлыми цивилизациями (центрами)
	Степень интеграции в глобальный мир	Столицы и крупные города рассматриваются границы по отношению к мировым изменениям
Консервативно-конфликтный	Степень социально-культурной трансформации, отношение к ней жителей	Периферия (носитель консервативных ценностей), сопротивляется инициированной центром трансформации
Историко-колониационный	Пространственно-временная динамика колонизации (утрата признаков периферийности по мере включения в системные экономические и культурные связи)	Историческое ядро рассматривается как базовая территория, центр, а колонизируемые земли – как периферия
Рыночно-зональный	Отношения между зоной производства и рынками сбыта	Рассматриваются центры производства и периферия потребления
Политико-нормативный	Различия в реализации норм и правил, установленных центром	Исследуется поляризация политического пространства
Генерирующий	Условия, позволяющие центру создавать технологии, культурные инновации	Исследуются факторы, определяющие создание процессных и продуктовых инноваций, в том числе культурных (производство кинопродукции, театральные премьеры и пр.)
Трансляционный	Характер и интенсивность связей между зонами центр-периферийной системы	Исследуются направления потоков материи, энергии и информации

Однако между центром и периферией выделяют промежуточное звено – полупериферию, которая может обладать как центральными, так и периферийными чертами. И если периферию традиционно принято определять по уровню физической

удаленности от центра, то для выделения полупериферии используют «срединные» значения социально-экономического развития территорий. Отдельные «периферийные» по уровню развития районы могут быть расположены ближе к центрам, поскольку основными факторами влияния выступают структура экономики, ресурсный потенциал, активы, экономико-географическое положение, а не географическое расположение относительно центра. Полупериферийные районы – это, как правило, бывшие центральные с устаревающей технологической и экономической базой или же расположенные в непосредственной близости от центра периферийные районы, которые более эффективно взаимодействуют с центром, нежели их «отстающие» соседи.

В России, помимо типичных для полупериферии проблем (размытость критериев выделения, значительная внутренняя неоднородность, динамичность развития, большой численный состав), существует специфическая проблема, связанная с постоянным увеличением дистанции между средними (среднероссийскими или среднерегionalными) и медианными значениями показателей по причине ускоренного экономического роста небольшого числа территорий-лидеров, вследствие чего происходит смещение «вверх» среднероссийских и среднерегionalных показателей, что не позволяет адекватно сравнивать развитие российских регионов и муниципалитетов со средним показателем по стране (или региону) и тем самым усложняет выделение полупериферийных территорий.

Полупериферия внутри региона неоднородна. Городские территории, относимые к полуперифериям, по отдельным социально-экономическим характеристикам сопоставимы с территориями-центрами, а сельские территории наиболее схожи с отстающими по уровню социально-экономического развития. Поэтому данные полярные территории обладают меньшей устойчивостью внутри полупериферии региона. Однако, чем существеннее доля горожан в общей численности населения полупериферии, тем она более обширна, и наоборот – при преобладании в регионе сельских территорий и местностей с малыми городами масштабы полупериферии менее заметны.

Для анализа внутренней неоднородности российских полупериферийных регионов можно использовать три показателя: объем валового регионального продукта на душу населения с учетом стоимости жизни в регионе, покупательная способность

населения и уровень бедности (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе). А.С. Раевская разделила [14] полупериферийные регионы России на три основные группы (рисунок 2):

- «Догоняющая полупериферия» – наиболее развитая группа полупериферийных регионов, для которой характерна наибольшая динамическая изменчивость относительно прочих полупериферийных групп (например, Калужская область).
- «Ядро полупериферии» – регионы со средними значениями показателей социально-экономического развития, занимающие срединное положение по физической удаленности между центрами и периферией. Ближе к максимальному пределу «ядра» расположены ресурсно-экспортные регионы и регионы с диверсифицированной структурой экономики, с повышенным уровнем социально-экономического развития, но относительно низкими темпами роста, что не позволило им перейти в группу «догоняющей полупериферии» (Иркутская, Мурманская области и др.). В центральной части «ядра» преобладают промышленно-аграрные регионы с развитым импортозамещением и некоторыми конкурентоспособными в современных рыночных условиях отраслями экономики (Курская, Ростовская области и др.). Ближе к нижней границе «ядра» находятся проблемные регионы с доминированием обрабатывающих производств, структура экономики которых не позволила им преодолеть кризисные процессы переходного периода (Смоленская, Костромская, Тверская области и др.).
- «Отстающая полупериферия» – «развивающиеся» регионы с низким уровнем социально-экономического развития, граничащие с периферийными регионами. Для этой группы характерна наибольшая внутренняя однородность по типам представленных в ней регионов. В нее входят удаленные восточные регионы, которые в постсоветское время показали негибкость экономики и ее неспособность быстро адаптироваться в кризисных ситуациях (Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область и пр.); депрессивные регионы (например, Брянская область); ряд менее развитых республик (например, Карелия, Северная Осетия) и аграрно-промышленные регионы (например, Алтайский, Ставропольский края).

Рис. 2. Распределение полупериферийных регионов по уровню социально-экономического развития. Составлено авторами

Однако отнесение региона к полупериферии достаточно условно, поскольку, если рассматривать его внутреннюю структуру, то в нем существуют депрессивные районы, которые лишены развитой инфраструктуры, обладают денудированной промышленностью либо архаичным сельским хозяйством, а их поселенческая структура постепенно разрушается из-за депопуляции. Поэтому регионы группы, например, «отстающей полупериферии», справедливо относить и к периферии по совокупности характеристик социально-экономического развития большинства районов.

Группа полупериферийных регионов во всех типологиях наиболее обширна и разнородна, хотя ее состав зависит от выбора первичных индикаторов и методики оценки уровня развития. Наряду с размытостью самого понятия полупериферийного региона, наблюдается размытость границ типов и групп регионов по уровню социально-экономического развития, их плавное перетекание и частичное наложение друг на друга, что в большей или меньшей степени проявляется в различных типологиях и оценках. На внутрирегиональном уровне большинство подходов не позволяют четко разделить муниципальные образования на группы по уровню развития и дают лишь общее представление о масштабах и глубине внутрирегиональной дифференциации. Методика количественной оценки центропериферийных различий, позволяющая выделить внутрирегиональную полупериферию, впервые представлена в районировании

сельской местности Т.Г. Нефедовой [18]: в ее типологии учитывались те показатели и географические признаки, которые имеют наибольшую значимость для выявления именно полупериферийных регионов и муниципальных образований. Наиболее обоснован для определения масштабов полупериферии на внутрорегиональном комплексный метод – анализ не только набора социально-экономических показателей, но и совокупности важных географических факторов – размеров городов, статуса муниципальных образований (городские или сельские), географического положения относительно центральных мест (пригородная зона – периферия).

В целом в академическом сообществе не сложилось единое определение и общая методология выделения периферии. Часто встречается выделение периферии по расстоянию от центральных мест, наделенных статусом административных центров, и положению местности относительно социально-экономических акторов территории. Кроме того, для выделения периферии рассматривают характер внутрисистемных различий и связей между центром и отдаленными районами, связность с центральными местами и трансформации положения в системе «центр – периферия». Некоторые исследователи анализируют изменение отношений между центром и депрессивными районами. Таким образом, периферийная территория – это отдаленная от центра депрессивная местность, для которой характерны руинированная структура экономики, депопуляция и незначительная экономическая активность.

Поляризация расселения и инфраструктурной обустроенности неразрывно связаны с поляризацией экономической деятельности. На внешней периферии слабая обустроенность и отток населения вызывали и деградацию народно-хозяйственного комплекса, за исключением районов добычи экспортных природных ресурсов. Еще больше пострадала внутренняя периферия: города не только привлекали население и улучшали вокруг себя обустройство территории, главное влияние городов – это более активная экономическая среда вокруг них, тесно взаимосвязанная с городом. Людей привлекала в пригороды возможность, живя на природе, найти работу в городе и в целом большая диверсификация деятельности и устойчивость экономики пригородов.

Различия темпов социально-экономического развития между муниципалитетами внутри российских регионов в большинстве случаев гораздо более заметны, чем между регионами. В ходе урбанизации сельское население мигрировало как в города, так и в районы, примыкающие к ним (пригороды), причем это не всегда были части

агломерации, формируемые городом «входа». Для российской урбанизации характерно, что «минимальный» размер города, способного сформировать вокруг себя административный район с высокой концентрацией сельского населения и благоприятными социально-экономическими характеристиками, в Нечерноземье составлял 100 тысяч жителей, а в южных районах с высокими темпами социально-экономического развития – 250–500 тысяч человек.

Неоднородность внутрирегиональной плотности сельского населения после распада СССР только усилилась – произошел закономерный рост площади периферии за счет увеличения депрессивности старопромышленных районов России. Дело не столько в нехватке трудоспособного населения в периферийных районах (в настоящее время при сильном кризисном сокращении рабочих мест с приемлемой зарплатой, опередившем сокращение населения, почти всюду наблюдается избыток незанятых сельских жителей), а в длительном отрицательном отборе и пониженной мотивации деятельности значительной части населения в районах длительной депопуляции.

Выделение типов периферии важно, поскольку это значительно упростит разработку стратегий социально-экономического развития страны. Многогранность российского пространства не позволяет довольствоваться унифицированной программой развития всей периферии. Наибольший интерес представляют комплексные типологии и интегральные оценки, которые строятся на анализе количественных показателей, с учетом существенных географических признаков (например, уровня освоенности территории, географического местоположения и др.). На региональном уровне примеры подобных типологий – проекты Л.М. Григорьева и Независимого института социальной политики, на внутрирегиональном – микрорайонирование Е.Е. Лейзеровича [19] и социально-сельскохозяйственное районирование сельской местности Т.Г. Нефедовой [20].

По мнению Б.Б. Родомана, «открытие» внутренней периферии является одним из важнейших достижений российской социально-экономической географии, но большинство его пользователей не понимают значения понятия. Понятие «внутренней периферии» прорабатывали многие исследователи: например, В.Л. Каганский утверждает, что вся Россия становится внутренней периферией мира [21], а Б.Б. Родоман рассматривает свойства российской периферии – относительность и непрерывность, а также формирование внутренней периферии в городах [22].

Понятие внутренней периферии было предложено Б.Б. Родоманом в 1987 году. Он полагает, что внутренняя периферия централизованного ареала – это территории, расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям, архаические черты в ландшафте и быте населения. В простейшей и универсальной (тригонально-гексагональной) геометрической модели районирования и коммуникаций внутренняя периферия расположена в ячейках транспортной сети и, что то же самое, на стыках узловых районов [23]. Однако для понимания частного случая этого недостаточно, нужны новые математические модели, учитывающие дополнительные, побочные, «отягчающие» факторы внутренней периферизации: природные условия, этнический состав местных жителей, экономические и исторические особенности развития региона.

Мы проанализированы основные научные подходы к выделению периферийных регионов России и отобрали ряд показателей, который характеризует привлекательность территории при выборе места жительства: миграционный приток и среднедушевые доходы населения, величина валового регионального продукта, физическая удаленность региона от основных экономических центров страны, плотность автомобильных дорог общего пользования. Для сопоставления показателей был выбран метод ранжирования – исходя из статистических данных региону присваивался ранг (место среди других субъектов Российской Федерации), где 1 – регион с наибольшим значением показателя, а 85 – с минимальным значением среди регионов (таблица 2).

В итоге к периферийным регионам России были отнесены слабоурбанизированные отдаленные национальные республики и регионы с высокой долей нерусского населения, а также регионы с экономикой и хозяйством, разрушенными военными действиями. Можно выделить три типа периферийных регионов, для которых характерны определенные общие черты (рисунок 3):

Таблица 2

Ранжирование регионов России по степени периферийности³ Составлено авторами

Регионы	Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. (2005–2020)	Медианный среднедушевой доход населения (руб. в месяц, 2015–2020)	Валовой региональный продукт на душу населения (2019)	Плотность автодорог с твердым покрытием (конец 2020; км путей на 1 тыс. км ²)	Ранг
Республика Тыва	77	84	80	75	79
Республика Калмыкия	70	83	64	64	70,25
Курганская область	76	76	73	53	69,5
Республика Алтай	49	80	76	65	67,5
Кировская область	66	66	70	57	64,75
Республика Ингушетия	85	85	85	4	64,75
Республика Бурятия	53	61	71	72	64,25
Алтайский край	64	72	75	45	64
Забайкальский край	69	60	58	68	63,75
Еврейская автономная область	82	44	56	63	61,25
Кабардино-Балкарская Республика	73	77	83	9	60,5
Республика Марий Эл	50	78	68	43	59,75
Костромская область	56	55	65	51	56,75
Саратовская область	43	74	61	48	56,5
Чувашская Республика	57	79	74	16	56,5
Омская область	62	52	48	58	55
Ульяновская область	51	65	60	40	54
Чеченская Республика	54	69	84	8	53,75
Республика Мордовия	37	81	63	31	53
Республика Хакасия	41	73	39	59	53
Иркутская область	68	56	18	69	52,75
РСО – Алания	58	68	78	7	52,75
Оренбургская область	65	67	25	49	51,5
Астраханская область	60	62	21	62	51,25
Карачаево-Черкесская Республика	17	82	82	23	51
Псковская область	47	59	66	30	50,5
Кемеровская область	44	63	47	47	50,25
Архангельская область	75	17	33	71	49
Волгоградская область	29	64	52	50	48,75
Ивановская область	35	58	77	25	48,75
Пензенская область	31	71	59	34	48,75

³ Серым цветом закрашены строки регионов, отнесенных к периферии. Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели // URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm.

Регионы	Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. (2005–2020)	Медианный среднедушевой доход населения (руб. в месяц, 2015–2020)	Валовой региональный продукт на душу населения (2019)	Плотность автодорог с твердым покрытием (конец 2020; км путей на 1 тыс. км ²)	Ранг
Амурская область	74	21	31	67	48,25
Ставропольский край	15	70	69	36	47,5
Орловская область	59	54	55	19	46,75
Республика Коми	83	16	12	76	46,75
Республика Карелия	67	23	30	66	46,5
Тамбовская область	52	43	57	33	46,25
Удмуртская Республика	48	57	38	41	46
Хабаровский край	71	13	20	77	45,25
Республика Крым	13	75	79	13	45
Брянская область	42	45	62	28	44,25
Камчатский край	78	7	11	81	44,25
Магаданская область	84	5	7	80	44
Мурманская область	80	9	13	74	44
Тверская область	40	42	53	39	43,5
Чукотский автономный округ	81	1	5	85	43
Челябинская область	33	51	45	42	42,75
Республика Дагестан	23	48	81	17	42,25
Вологодская область	45	38	28	55	41,5
Пермский край	61	29	24	52	41,5
ЯНАО	79	2	2	83	41,5
Приморский край	63	15	26	60	41
Смоленская область	34	49	54	27	41
Красноярский край	46	28	10	79	40,75
Рязанская область	25	50	50	37	40,5
Томская область	28	37	23	73	40,25
Новгородская область	27	46	41	46	40
Республика Саха (Якутия)	55	12	8	82	39,25
Сахалинская область	72	6	4	70	38
Республика Башкортостан	38	40	44	29	37,75
Владимирская область	26	53	49	22	37,5
Ростовская область	19	35	51	38	35,75
Республика Адыгея	12	47	72	10	35,25
Ярославская область	32	34	37	35	34,5
Новосибирская область	14	31	35	56	34
Свердловская область	39	14	22	54	32,25
Курская область	22	39	43	20	31

Регионы	Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. (2005–2020)	Медианный среднедушевой доход населения (руб. в месяц, 2015–2020)	Валовой региональный продукт на душу населения (2019)	Плотность автодорог с твердым покрытием (конец 2020; км путей на 1 тыс. км ²)	Ранг
Ненецкий автономный округ	36	3	1	84	31
ХМАО–Югра	30	8	3	78	29,75
Тюменская область	9	30	14	61	28,5
Нижегородская область	24	20	34	32	27,5
Тульская область	20	32	40	18	27,5
Самарская область	18	36	29	26	27,25
Воронежская область	8	27	46	21	25,5
Липецкая область	16	26	36	11	22,25
Калужская область	11	24	27	24	21,5
Ленинградская область	2	22	17	44	21,25
Калининградская область	6	33	32	12	20,75
Севастополь	1	11	67	3	20,5
Краснодарский край	7	19	42	14	20,5
Республика Татарстан	21	18	15	15	17,25
Белгородская область	10	25	19	6	15
Санкт-Петербург	5	41	9	2	14,25
Московская область	3	10	16	5	8,5
Москва	4	4	6	1	3,75

1. Регионы традиционного сельского хозяйства (Кабардино-Балкария, Республики Алтай, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Тыва, Забайкальский край) – неиндустриальные аграрные слабоурбанизированные регионы со значительной долей нерусского патриархального населения, которое проживает в сельской местности и занимается традиционными видами хозяйствования (преимущественно отгонное скотоводство); развита неформальная экономика и влияние кланов на общественные отношения. Для этих регионов характерна большая доля внутренней периферии вследствие слабости региональных центров, которые не способны конкурировать с соседними крупными региональными столицами, вытягивающими местное население. Инфраструктура и общественный транспорт плохо развиты, существуют населенные труднодоступные регионы, имеющие плохую связность с внешним миром (например, Годжинский кожуун Тывы, Джейрахский район Ингушетии). Регионы этого типа выступают сырьевыми базами для их окружения и

страны в целом, при этом обрабатывающие производства здесь практически не развиты или находятся в деградирующем состоянии.

2. Регионы «деградирующего» сельского хозяйства (Кировская и Курганская области, Еврейская автономная область) – регионы с абсолютным доминированием русского населения, удаленные от крупных социально-экономических центров страны. Для их хозяйственной структуры характерны деградирующие промышленность и сельское хозяйство, слаборазвитая инфраструктура и депопуляция населения не только сельских территорий, но и городов, в том числе региональных центров. В сельской местности преобладают бюджетные учреждения и слаборазвитый малый бизнес.
3. «Присоединенные регионы» (Республики Донбасса, Херсонская и Запорожская области) – новоприобретенные регионы, на территории которых ведутся активные боевые действия, а их хозяйственный комплекс и инфраструктура разрушены либо практически не функционируют. Здесь наблюдается сильный отток населения и разрушение поселенческой сети, в том числе опустение городов и крупных транспортных узлов. Развита неформальная экономика, а сельскохозяйственное производство осуществлялось агрохолдингами и фермерами-арендаторами земли, поскольку на территории регионов действовал мораторий на продажу земли.

Рис. 3. Схема российской модели «центр – периферия» Составлено авторами

Заключение

Разработка типологий аграрного развития периферийных регионов – сложная и трудоемкая научно-исследовательская задача, что объясняется большим размером и географическим многообразием России, а также несовершенством и неполнотой исходных данных. Тем не менее, можно утверждать, в России наблюдается процесс периферизации пространства за счет увеличения внутренней периферии вследствие деградации хозяйственного комплекса в удаленных и сельских регионах страны. Стягивание трудоспособного экономически активного населения в экономические, социальные, политические и культурные центры, увеличение разрыва в уровне жизни между развитыми и развивающимися регионами усиливают пространственную поляризацию внутри страны. В результате наблюдается форсированное развитие центральных районов на фоне деградации социально-экономического пространства, составляющего большую часть России, несмотря на усилия правительства по «искусственному» выравниванию социально-экономического развития.

Устойчивость сельской периферии имеет три составляющие: способность противостоять системным шокам, сохраняя свои функции и структуры; способность справляться с неопределенностью с помощью обновления, реорганизации и обучения; способность радикально менять траекторию развития, саму природу своей системной организации. Следовательно, устойчивая периферийная сельская система в современных условиях должна обладать следующими характеристиками: во-первых, разнообразие сельских образов жизни – чем разнообразнее экономические занятия сельских жителей, тем более устойчиво сельское поселение к внешним шокам. Зависимость от сельского хозяйства, традиционных видов деятельности губительна для сельских территорий в современной экономике, то же самое относится и к фермерам, которым нужно разнообразить свое производство и не хранить слепую приверженность монокультурам. Во-вторых, нужно культивировать рыночно ориентированные институты, что означает переход от неформальных экономических взаимодействий к формализованным, таким как контракты (например, между работниками и работодателями), что особенно актуально для развивающихся стран. В-третьих, это сильный социальный капитал – сообщества с таким капиталом более инклюзивны и представляют собой более сильную сторону во взаимодействии с внешней средой, поскольку социальный капитал позволяет легче мобилизовать как внутренние, так и внешние ресурсы. К сожалению, российская сельская периферия этими характеристиками не обладает – в подавляю-

щем большинстве российских староосвоенных регионов по-прежнему нарастают и усиливаются тенденции поляризации между центрами и перифериями, несмотря даже на многочисленные успешные примеры провинциальной региональной кооперации.

Благодарности

Препринт подготовлен на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2022 год.

Список источников

1. Li Y., Westlund H., Liu. Y. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world // *Journal of Rural Studies*. 2019. Vol. 68
2. Ploeg J. From de-to repeasantization: The modernization of agriculture revisited // *Journal of Rural Studies*. 2018. Vol. 61.
3. Ильиных В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // *Российская история*. 2012. № 1.
4. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум // *Вопросы географии*. 2016. № 141.
5. Нефедова Т.Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // *Экономическая наука современной России*. 2009. № 1.
6. Кибиров А.Я., Кулов А.Р., Хаирбеков А.У. Инвестиции и обезлюдение сельских территорий России: проблемы и возможные пути их решения // *Теория и практика мировой науки*. 2021. № 6.
7. Shackleton S., Shackleton C. Not just farming: Natural resources and livelihoods in land and agrarian reform // Cousins B., Walker C. (Eds.). *Land Divided, Land Restored: Land Reform in South Africa for the 21st Century*. Auckland Park, 2015.
8. Ploeg J.D. van der, Ye J. (Eds.). *China's Peasant Agriculture and Rural Society: Changing Paradigms of Farming*. L.–N.Y., 2016.
9. Yan H., Chen Y. Agrarian capitalization without capitalism? Capitalist dynamics from above and below in China // *Journal of Agrarian Change*. 2015. Vol. 15, No. 3.
10. O'Connor D., Renting H., Gorman M., Kinsella G. (Eds). *Driving Rural Development: Policy and Practice in Seven EU Countries*. Assen, 2015.
11. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99.
12. Зубаревич Н.В. Регионы и города России: Сценарии 2020 // URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5960#>.
13. Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гавриленко А.С., Гусаков Т.Ю., Дельва К.И., Корюхин Д.М. Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2018. № 2.

14. Раевская А.С. Факторы и динамика социально-экономического развития полупериферийных территорий России: Автореф. к.г.н. М., 2009.
15. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966.
16. Мирохина А.А. Направления развития полупериферии в формате компенсации центростремительной динамики // Вестник ГУУ. 2013. № 18.
17. Преображенский Ю.В. Подходы к выявлению центра и периферии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. №. 4.
18. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия: Географическая. 2012. № 3.
19. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М., 2004.
20. Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. Ставрополь, 2012.
21. Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия: Географическая. 2012. № 6.
22. Родоман Б.Б. Российская внутренняя периферия // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 4.
23. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ